

РОССИЯ ГЛАЗАМИ ВАСИЛИЯ БЕЛОВА

Русская деревня образца середины 90-х годов, старик-крестьянин с местным ветеринаром судачат поутру о всякой всячине. Разбалагурившись, ветеринар пускается уверять, что в Череповце-де видел, как в магазинах уже в открытую продают народонаселению самогонные аппараты. Старик мнетя, не зная, верить ли, — он привык ждать от начальства самых каверзных премудростей, но такое новшество до того дивно, что пока не укладывается в его отсталом колхозном сознании... Появляются новые слушатели, и ветеринар пускает еще одну лихую байку — о том, что «нонче велено» сдавать государству за недостатком коровьего молока бабье: «Так и написано: все бабы, которые не девки, обязаны доиться, иначе хлеб будет не триста рублей буханка, а шестьсот» (разговор идет во времена, когда еще не была проведена деноминация рубля). Видимо, с женскими удоями дело не пошло, ибо стоимость этой самой буханки уже «достигла», как известно, пяти тысяч — если применить тогдашнюю систему счета.

Инкогнито цитируемого автора сейчас раскроем, а пока выскажемся вот о чем. От многих художественных произведений 90-х, в том числе и талантливых, исходит как бы нервный хохоток — смеяться читателю предлагают и над страшным, и над мерзким. Но уместен ли тут смех? Чтобы ответить правильно, надо помнить, что мы сегодня вовлечены в дикий исторический зигзаг, в нелепые социальные потрясения, уже переломавшие множество судеб и принесшие неисчислимые беды. С литературой в такой ситуации могло бы произойти и самое худшее — то, о чем прозорливо писал когда-то отличный прозаик и глубокий философ князь В. Ф. Одоевский: «Дух, потрясенный внешними обстоятельствами, видит самого себя в искаженном виде и думает, что это состояние есть нормальное»¹. Слава Богу, подобного с нашей литературой пока не случилось. Изображая дикость, она не

¹ *Одоевский В. Ф.* Русские ночи. — Л., 1975. — С. 202.

принимает ее за норму. Она над ней смеется. То есть на свой лад все-таки противоборствует злу и безобразию.

Упомянутые разговоры ветеринара с крестьянином — из рассказа **Василия Белова** «У котла» (Москва. — 1995. — № 3).

Белов Василий Иванович (род. в 1932 г.) — прозаик, поэт, автор повести «Привычное дело» (1966), романов «Кануны» (1974—1981), «Все впереди» (1987) и др. Живет в Вологде.

Именно потому, что Белов — один из сильнейших наших прозаиков, я и воспользовался приведенным примером как одной из показательных иллюстраций к литературе Сегодня. Вообще характерный юмор никогда не покидал В. Белова. Но сейчас его герои, в основном деревенские старики и старухи, пожалуй, особенно много отпускают «соленых» шуток, рассказывают и выслушивают анекдотов, связанных и с современностью, и просто с житьем-бытьем. Впрочем, порой в рассказе без этого и нельзя — иначе изображаемое самой сутью своей придало бы повествованию надрывно-минорную тональность.

Молодой тракторист Валентин катастрофически спивается. Проснувшись однажды в коровнике у котла парового отопления, он начинает видеть галлюцинации. Утром в коровник, к котловому теплу, собираются понемногу односельчане. Там и балагурит собутыльник Валентина ветеринар Туляков. Тут же чеченская пара — некие «беженцы», которые взялись по-фермерски «обряжать двадцать коров», не умея при этом их доить. Эта пара дичится, от добродушных попыток вовлечь себя в беседу уклоняется. А разговоры текут от темы к теме, начиная с персон всенародно избранных начальников и их сравнительных достоинств и кончая лейкозом, невиданным прежде, а теперь поражающим колхозных коров одну за другой. Тут и баба Марья с ее неотступной доукой к ветеринару — чтоб отпилил корове рог, начинающий упираться своим изгибом животному в голову. Тут и ее дочь Геля, доярка золотые руки, которая одна за всех обихаживает ныне коровью ферму, попутно пытаясь и наезжую чеченку все-таки учить доить корову. Под занавес появляется торжествующий Валентин, рыскавший по деревне в поисках спиртного. Он явно решил клином выбивать клин белой горячки. В руках у Валентина бутылка «нашего» спирта «Рояль», которым он и намерен немедленно «нароялиться» (так, оказывается, говорят теперь в деревне).

Как выразительный штрих, сразу очерчивающий уклад и порядок, давно уже поселившиеся в изображаемой деревеньке и не только в ней, писатель вводит такую деталь, связанную с местом действия:

«В теплушке день и ночь горел электрический свет. Не выключали его, может, от самой кукурузной поры, когда Валька бегал еще школьником. Уже тогда окошко было заделано старой фанериной. С тех пор

котел на ферме дважды меняли, а сколько Хрущевых сменили за это время, не сосчитать!»

Другой рассказ В. Белова в том же номере «Москвы» — «Лейкоз». Та же деревенька, те же крестьяне немного позже. Тракториста Валентина на свете уже нет — его пьяным убили и выкинули с поезда. Куча ребятишек осталась пускай без непутевого, но все же отца и кормильца. Чеченская пара покинула стезю «газетного» фермерства и подалась куда-то дальше по просторам гостеприимной, лишенной националистических и религиозных предрассудков России... Проблема коровьего рога ветеринаром Туляковым так и не решена. Его собеседник из предыдущего сюжета, старик Коч, как раз отпиливает рог с помощью бабы Марьи слесарной ножовкой покойного тракториста. По этому поводу компания примерно в том же составе собирается затем в избе у Смирновых. Туляков явился с новостью, что ферму в деревне скоро закроют. Формально — из-за повального коровьего лейкоза. Но и суть дела ему ясна:

«Колхозный период ваша деревня закончила. С сегодняшнего числа начинаем вторую, капиталистическую фазу», с горьким ехидством паясничает ветеринар. Старики и старухи по этому поводу разводят воспоминания о распроклятом тоталитарном прошлом (уже и в рассказе «У котла» подымавшиеся), когда «на каждую корову и лошадь паспорт» был. В таком коровьем паспорте «все было записано: и кличка, и масть, и от кого рождена, и которая по счету лактация. Клички телятам давались на ту букву, с которой начинается материнское имя. Теперь в конторе давно нет никаких коровьих бумаг. Летом животных ни по вечерам не считают, ни по утрам. Лежит ли корова в лесу или где-нибудь в кустах, отказали ли ей больные ноги — оставайся на съедение волкам».

Туляков и этот ностальгический сюжетец не оставляет без того, чтобы откомментировать «с граненой стопкой» в руке: «Товарищ Сталин выписал паспорта всем коровам. У каждой лошади, у каждой коровы был паспорт, на колхозников у него не хватило бланков. Вздрогнули...»

Так течет неспешное крестьянское веселье в деревне, где «осталось четыре дома. Всего две трубы дымили в небесную синеву».

И как эпиграф ко всему тому, что идет в наши дни тут и там в подобных, уже не в придуманных писателем, а в реальных русских деревнях, звучит напев той частушки, которую еще у котла в коровнике пела компания:

Начальнички навозные,
Коровушки лейкозные.

«Заря новой жизни» уже который раз встает над выдавшими видами полями и лесами...

Психологические характеристики в рассказе четки и лаконичны; беловские характеры, как в лучших его произведениях, зримо портретны. В подтверждение сошлемся прежде всего на того же Тулякова. Этот добродушный пьяница, подобно Валентину, пропадающий на почве своего пристрастия (но не трагически, как тот, а хорохорясь, с прибаутками и присловьями), не случайно «назначен» автором в ветеринары. Именно человеку этой профессии надлежит нести в обоих рассказах крестьянам весть о надвигающейся общей трагедии — готовящемся закрытии фермы, вокруг которой эта умирающая деревенька пока живет и кормится.

Правда, некоторые решения писателя небесспорны. Речь уже не про иронию, а, например, про слишком уж «газетно-публицистические» фигуры чеченцев. В России изобилуют сейчас настоящие беженцы — русские из Прибалтики, из «хлопковых» и «шашлычных» республик так называемого бывшего СССР. Но автору нужно, чтоб — чеченцы... Что ж, писатель — хозяин в своем тексте. А все-таки злободневные «актуальные» реплики трудно приживаются в художественном произведении.

Деревенька и герои так полюбились В. Белову, что он написал о них еще и повесть «Медовый месяц» (Наш современник. — 1995. — № 3). Тут разворачивается целый самостоятельный сюжет о молодости нынешних старух. Они были посланы в начале Великой Отечественной на рытье окопов и потом добирались до дома лесами, попадая в опасные переделки и получая посильную помощь от добрых людей. А тем временем призвали на войну мужа одной из них — перед самыми «окопами» поженились и даже пожить вместе не успели! С фронта он не вернулся...

Возможно, в душе писателя понемногу выстраивается крупномасштабное произведение и публикуемое — подготовительные к нему материалы, ранние подступы... Но в любом случае новинки В. Белова были в середине 90-х годов в высшей степени отрадным явлением. (Кроме разобранных укажем и на рассказ «Душа бессмертна» — Наш современник. — 1996. — № 7.) А то ведь с литературой в целом тогда обстояло не намного лучше, чем с той деревенькой...

«Во саду при долине» (Наш современник. — 1999. — № 2) — «городской» рассказ В. Белова. Начинается он с такой иронической притчи, прямо не связанной с последующим сюжетом:

«Однажды в Вологде для всех неожиданно явилось рогатое существо с бесцветной мифистфельской бородицей. Большой лохматый

козел на тоненьких ножках, не обращая на людей никакого внимания, неторопливо прошествовал по улице Герцена. Полный дьявольского достоинства, он ступил на мост через Золотуху и смело, на красный свет, повернул вправо. Самосвал со скрежетом затормозил. Встречный троллейбус поспешно застопорил. Серое вонючее чудище пересекало улицу по каким-то своим козлиным правилам.

Взрослые вологжане ничуть не удивились такому явлению. Мало ли нагляделись они чудес на веку? (Вологжан вообще трудно чем-либо удивить, нам уже приходилось говорить об этом.) Хождение козла по центральным улицам города не вызвало изумления. Правда, некоторые старушки плевались, зато мини-юбочные девицы делали вид, что не существует никакого козла. Мужское сословие соревновалось в юморе. Пожилые прикидывали, откуда такое чудо:

— Наверно, с мясокомбината дал деру, — задумчиво говорил чистоплотный старичок.

— Не ври! Там таких нет, — не соглашался другой. — Это из цирка.

— Какой тут цирк! — горячился третий. — Цыганский козел, он ходит из-за реки.

— Хватай за рога и веди в милицию, — предложил кто-то из молодых. — Сразу хозяин объявится.

— Веди сам!

Начали выяснять, можно ли сдать козла в милицию.

— Нужен он милиции, такой патлатый, — примиряюще завершил чистоплотный пенсионер молодому спорщику и пошел восвояси.

Прохожие уступали марширующему козлу место на тротуаре. Некоторые восхищались могучими, омерзительно воняющими рогами. Но интерес к животному быстро погас. Козел величественно продефилировал к площади Революции. Какие-то школяры попробовали погладить, но козлиная вонь быстро пресекла такую попытку. Лишь малые детки детсадовского и ясельного возраста, рожденные уже во времена злополучных реформ, донимали своих бабушек:

— Бабушка, бабушка, гляди, какая собачка!

— Это козел, а не собачка, — вразумляет несмышленища бабка.

— Он в лесу живет?

— В лесу, в лесу, — отбояривается старуха. — Пойдем скорее, а то забодает. Гляди, какие рожищи-ти у этого беса!

Впрочем, и некоторым взрослым казалось, что козел вышел если не из леса, то из какого-нибудь ближнего болота. Так он был грязен, вонюч и ленив! Какой-то шутник враз окрестил его «президентом».

После второго появления в городе козел все-таки «бесследно исчез»:

«Обывателям и до сего дня не ясно, куда он исчез. Может, его продали, может, как-то выселили в сельскую местность. Может, вообще провалился он в преисподнюю. Во всяком случае, среди людей он больше не объявлялся».

Само действие разворачивается несколько лет спустя, в разгар студенной северной зимы. В городе мерзость и запустение. В городских квартирах отключено отопление. И вот ночью пенсионер-ветеран Степан Кенсаринич «проснулся в тревоге»:

«Степан Кенсаринич давно забыл про козла, поскольку прошло с тех пор несколько лет. Теперь же стояла зима, а не лето, в придачу глухая морозная ночь. Даже небо над Вологодой вызвездило.

Степан Кенсаринич... пробудился не столько от холода, сколько от беспричинной тоски, похожей на предчувствие скорой предстоящей потери. Ему приснился поганый, хотя и не очень страшный сон. Тот самый козел, что маршировал по улице Герцена с последующим выходом на улицу Урицкого (нынешнее название «Козленская»), стоял в глазах так четко, так явственно. Рогатый паршивец показал Кенсариничу даже язык... Казалось, что Степан носом услышал козлиную вонь...

Ветеран открыл глаза. Кровавый сумрак от включенного рефлектора не взбудрил и не успокоил. Тоска в сердце не исчезала. Рефлектор горел всю ночь, таким способом жена Аксинья Семеновна поднимала градусы в холодной квартире. Где вот она сама-то, Семеновна? Куда подевалась Куксиновая посреди ночи? (Иногда Кенсаринич называл свою Аксинью по-шуточному — Куксиновой.)

Диван был пуст, комната без нее как чужая. В квартире впору волков морозить, а тут еще этот сон... Образ козла, показывающего розовый мерзкий язык, еще витал в знобкой тишине двухкомнатного жилища».

Жена героя стала тайно от мужа, бывшего партийца, посещать церковь. Здесь она находит прибежище и утешение от всего, что творится вокруг. В квартирах северного русского города стоит стужа — «на градуснике двенадцать». На электричестве приходится экономить, ибо «демократы» ввиду наступивших свобод урезали пенсии до микроскопических размеров.

«Козел как-то сам по себе соединился в размышлениях то ли с Гайдаром, то ли с самим президентом. Кенсаринич мысленно обматерил того и другого:

— Козлы! До чего дошло, вымораживают пенсионеров, как тараканов... Лекарство в аптеке и то инвалидам не по карману. Одним банкирам, еще губернаторам по карманам».

Утром герой отправляется жаловаться на холод в бывший горсовет, ныне мэрию, где «замом мэрского зава» работает его не ушедший на пенсию приятель. Там что-то записывают, что-то вроде обещают, охотно подтрунивают вместе с ним над сегодняшними несуразностями... А воз и ныне там.

«Кенсариныч вышел из мэрии и на улице у тяжелых дверей хотел плюнуть, но удержался в культурном виде. Лишь вспомнились слова соседа Хмырева: “Все, друг ты мой, одна везде лжа!”».

В произведениях В. Распутина больше повествовательной стихии. Образ автора, всеведущего и управляющего действием, воспроизводящего прямую речь героев, обычно сохраняется в его повествовании. Белов же почти всегда торопится дать героям слово, зажечь читателя их яркими прибаутками, ввести монолог, диалог, коллективный разговор... Временами его проза на глазах читателя почти превращается в драматургическое действие с мастерски написанными репликами то подхватывающих, то перебивающих слова друг друга персонажей.

